

the Marsh, the Bog, the Marshes, бел. *Балота, Мох* и др. Все приведенные примеры наглядно демонстрируют возможность онимической лексики обходиться без отвлеченного от предмета признака для наделения единичного объекта именем. Группа единиц, которая в своем названии несет исключительно указание на вид объекта, невелика, однако слова типа *marsh, swamp, bog, балота, мох* и некоторые другие фиксируются в большинстве многословных наименований болот США и Беларуси, сохраняются как номенклатурный термин, что позволяет отнести данные лексические единицы к числу бесспорных ядерных элементов топонимных систем США и Беларуси.

Наличие среди названий болот генетически разнородных единиц вполне соответствует логике постижения человеком мира через язык. Сначала человек зафиксировал в языковых единицах предметы/объекты окружающего мира, пока еще не замечая многопризнаковости каждого из них. Только после этого они принялись разглядывать эти предметы/объекты и различать их признаки, “отрывая” их от конкретного носителя. Будучи номинированными единицами словаря человека, признаки получали возможность быть перенесенными на новые объекты. Если в именах прилагательных номинированный признак получал свою актуализацию только при его употреблении с субстантивом-носителем этого признака, то собственные имена, пусть единично, но указывающие на объект, вынуждены были вместить в себя как адъективные, так и субстантивные особенности.

Таким образом, процесс номинации географических объектов исходит из представления об объекте и отражает в готовых номинативных единицах материальное выражение ономаσιологической структуры производного слова. Являясь вторичным по происхождению, топоним “пускает в обращение” те категории, которые уже выработаны в лексической системе территории. Общей чертой большинства гидронимных единиц является движение от адъективности к субстанциальности. Исключительно гелонимное своеобразие состоит в преимущественно “отсылочном” характере наименований болот, предпочтении опоре на имена других географических реалий.

ЛИТЕРАТУРА

- Блакiтная кнiга Беларусi: Водныя аб'екты Беларусi: Энциклапедыя. Мн., 1994.
 Энциклапедыя прыроды Беларусi: У 5 т. Мн., 1983.
 Ковалева Н. В. К вопросу о принципах номинации в топонимике // Ученые записки Уральского университета. № 114. Сер. филол. 1971. Вып. 18. С. 133–136.
 Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.
 Просвирнина И. С. Составные наименования в русской топонимии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
 Руденко Д. И. Имя в парадигмах “философии языка”. Харьков, 1990.
 Теория и методика ономастиических исследований. М., 1986.
 Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000.
 Geographical National Information System USGS GNIS (<http://geonames.usgs.gov>)

Поступила в редакцию 01.07.2003.

Олег Игоревич Копач – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е.Н. Руденко.

А.В. РАЧКОВСКАЯ

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОММУНИКАЦИИ И ИХ ОТОБРАЖЕНИЕ В ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ (ТИПЫ СЕМИОТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

Рассматриваются механизмы семиотизации невербальных компонентов коммуникации на материале лексических и фразеологических номинаций белорусского, русского, польского и немецкого языков.

The mechanisms of semiotization of non-verbal Components of Communication are regarded. Lexical and phraseological nominations of the Belarusian, Russian, Polish and Duets Languages are.

По-видимому, во всех языках имеются слова и фразеологизмы, обозначающие невербальные компоненты коммуникации (далее – НВК), т. е. мимические движения, жесты, позы, семиотические особенности походки, интонацию, пространственное поведение человека. Вербальное отображение НВК в естественном языке является результатом межсемиотического перевода и представляет собой метасемиотический феномен. В работе рассмотрены закономерности семиотизации НВК на материале толковых и фразеологических словарей белорусского, русского, польского и немецкого языков. Лингвосемиотический подход позволяет понять механизмы перевода НВК в языковые знаки. Сравнение НВК и мотивированных ими языковых знаков может показать возможности и пути взаимодействия невербального и языкового кодов в коммуникации человека.

1. Невербальные компоненты коммуникации как результат семиотического процесса. С точки зрения семиотики НВК представляют собой результат семиозиса физических движений человека. Изначально все телодвижения детерминированы биологически, но в процессах коммуникации они постепенно приобретали знаковые свойства. Многообразие НВК распределяется по трем подсистемам: кинесика (явления мимики, жестов, поз, походки), проксемика (поведение людей в пространстве коммуникации) и супрасегментные явления в фонации (индивидуальный тембр голоса, артикуляция, интонация). Движения мышц лица и тела человека, входящие в сферу НВК, в зависимости от степени семиотичности разделяют на: 1) произвольные, безотчетные НВК, являющиеся симптомами внутреннего состояния человека (“улыбаться”, “бледнеть”, “дрожать”); 2) с синхронной точки зрения конвенциональные, коммуникативно релевантные НВК (“кланяться”, “показывать кукиш”, “kozyрять”) (Мечковская 1999, 378). Классификационные границы между произвольными и условными НВК весьма неустойчивы и текучи вследствие омонимии семиотических явлений. Один и тот же элемент невербальной семиотики может быть в разных ситуациях знаком-индексом или знаком-символом. Так, *хлопанье в ладоши* у маленьких детей наряду с громким смехом и другими произвольными движениями является выражением радости. Ч. Дарвин считал, что подобные явления вызваны “прямым действием сенсорной сферы на тело” (Дарвин 2001, 28), т. е. нервное возбуждение приводит к различным “бесцельным” телодвижениям. В то же время благодарные зрители в театре выражают свое восхищение аплодисментами, т. е. *хлопая в ладоши*. В последнем случае семиотичность НВК возросла, физическое действие стало условным, т. е. знаком-символом. Более высокие степени знаковости НВК связаны с их представлением в речи и закреплением в языке в качестве воспроизводимых единиц (слов и фразеологических оборотов), а также с их функционированием в ритуалах и искусствах.

2. Способы передачи НВК средствами языка. Вербализованные НВК могут иметь различную степень экспликации и передаваться при помощи слова, словосочетания, фразы, сверхфразового единства. Экспликация языковых обозначений НВК зависит от степени семиотичности НВК: чем он более употребителен, распространен и значим для социума, тем меньше представление его вербального обозначения. Самая высокая степень знаковости НВК связана с их запечатлением в языке в качестве воспроизводимых единиц, имеющих минимальную степень языковой экспликации (см. Верещагин 1969).

Адекватная передача семантики НВК средствами языка невозможна: при любом, тем более межсемиотическом, переводе неизбежны трансформации, потери. Первая потеря связана с тем, что в языке запечатлелся не весь репертуар НВК, а лишь их незначительная часть. Более того, в настоящий момент наблюдается тенденция к сокращению существующих номина-

ций. Современные словари уже не фиксируют того богатства обозначений НВК, которое было у В. Даля: *бьякать* 'говорить вяло, невнятно' (Даль I, 159), *кургузиться* 'дуться, гневаться' (Даль II, 221), *курнявкать* 'говорить невнятно, тихо либо в нос' (Даль II, 223), *лотошить* 'лепетать, молоть языком бойко, резко, бестолково, по-бабы' (Даль II, 269), *лунить* 'хлопать глазами, выказывая бельма' (Даль II, 273), *тухтыриться* 'дуться, сердиться, дуть молча губы' (Даль IV, 445), *шавать* 'ходить вяло, медленно, волочить ноги' (Даль V, 618) и др.

Способы репрезентации НВК зависят от особенности языка, их отражающего. Так, для славянских языков наиболее распространенным является неоднословное фразеологическое обозначение НВК. Для немецкого языка, склонного к словосложению, одинаково приемлемы и фразеологические и лексические номинации НВК.

3. Лексико-фразеологические номинации кинесических НВК. Лексемы, называющие кинесические НВК, чаще всего представлены глаголами, называющими соответствующее движение. Выполняющий движение орган не назван, но подразумевается: *міргаць* (вачыма), *манить* (рукой), *aufstem-pfen* 'топать' (von dem Fuß 'ногой'). Некоторые лексемы имеют соотносительные фразеологизмы: бел. *капыліць губу* – *капыліцца*, рус. *щерить зубы* – *щериться*, польск. *daśać wargi* 'дуть губы' – *daśać się* 'дуться', нем. *den Kopf schütteln* 'качать головой' – *kopfschütteln*. Преобладают в рассматриваемых языках неоднословные обозначения НВК – глагольно-субstantивные обороты, в которых глагол называет действие, а существительное – часть или орган тела, участвующий в движении: бел. *капыліць губу*, рус. *шаркнуть ножкой*, польск. *strzelić oczyma* 'стрелять глазами', нем. *sich an den Kopf greifen* 'хвататься за голову'.

3.1. Лексическое представление явлений кинесики. Видимо, имели место определенные ономазиологические трудности называния НВК одним словом, поскольку для их фиксации в языке использовались лексемы, не предназначенные специально для этой цели. Речь идет о переосмыслении значений уже существующих в языке наименований, о вторичной номинации: бел. *кывіціца*, рус. *туманиться*, польск. *daśać się* 'дуться', *flättern* 'порхать'. Глагол *кывіціца* имеет прямое значение 'становицца кривым, выгнутом, перакрыўленым' и переносные 'перакошвацца ў грымасе (пра твар, вусны)'; 'быць незадаволеным, выражаць нязгоду' (ТСБМ III, 738). Для некоторых глаголов характерно даже усиление психологически и коммуникативно значимых сем и ослабление несемантических значений. Так, глаголы *супиться*, *морщиться*, *пыжиться* раньше использовались для обозначения не только НВК, но и других физических действий. В современном языке глагол рус. *пыжиться* имеет значения 'напрягаться, надуваться изо всех сил' и 'держаться чванно, важничать' (МАС III, 568). У В. Даля *пыжить* значит 'надувать, взбивать нежно, пучить' (Даль III, 546). В настоящее время у этих глаголов сужается сочетаемость. Еще в XIX в. В. Даль отмечает, что можно было *щерить* не только *зубы*, но и *шерсть*, *моргать глазами* и *ноздрями*, *кивать* и *головой*, и *пальцем*, и *ногой*. Наблюдается значительное сокращение дериватов. Раньше от некоторых таких глаголов существовали *nomina agentis*: *щуриться* – *щура* 'лукавый, хитрый человек', *улыбаться* – *улыба* 'тот, кто улыбается', *супиться* – *супырь* 'надутый, брюзгливый, недоступный человек', *глазеть* – *глазун*, *глазунья* 'ротозей, праздный зевака'. В современном языке приведенные дериваты вышли из употребления. Некоторые из глаголов использовались для обозначения двух семиотических явлений, одно из которых позже утратилось. Так, лексема *семенить* имела у В. Даля три значения: 1) 'говорить проворно, сбивчиво, путать; тарантить'; 2) 'стоять беспокойно, переступать с ноги на ногу'; 3) 'частить ногами, дробно и скоро шагать' (Даль III, 172). В современном языке актуально лишь

третье значение. Одним из способов лексического обозначения НВК является использование лексемы, называющей явление биологической симптоматики: бел. *тапырыцца*, рус. *хохлиться*, нем. *flättern* 'порхать'. Глагол рус. *хохлиться* имеет прямое значение 'ежась, втягивать голову, топорщить перья (о птицах)' и переносное 'становиться хмурым, унылым, утратить бодрость, живость' (МАС IV, 560).

НВК не просто передаются с помощью переносных значений слов, но и сами их лексические номинации способны создавать переносные значения. Так, глагол *манить* значит 'подзывать, делая знаки рукой, взглядом' и 'привлекать, прельщать, соблазнять' (МАС III, 348). Как правило, в словарном толковании лексемы приводится описание движения, исполнение НВК и – в переносном значении – семантика НВК. Иногда на первое место выступает значение НВК, его коммуникативное или психологическое содержание, а описание моторики уходит на второй план. Так, рус. *кобениться* значит: 1) 'не соглашаться на что-либо, заставляя упрашивать себя, упрямиться'; 2) уст. 'делать странные неестественные ужимки, гримасы; кривляться, ломаться' (МАС II, 64). В словаре В. Даля дано: '*кобенить* руки, ноги, заламывать, ломать, корчить, неуклюже изворачивать'; *кобениться* – 'выгибаться, кривляться, ломаться, корчиться'; а в качестве переносного значения – 'важничать, упрямиться' (Даль III, 168). Иногда глагол вообще утрачивает свое прямое значение и становится немотивированным. Так, рус. *кукситься* значит 'быть в плохом настроении, хандрить // быть в состоянии недомогания' (МАС II, 146). У В. Даля приводится утерянный в современном языке мотив, положенный в основу номинации: *куксить глаза, кукситься* – 'тереть глаза кулаком' (Даль II, 213).

Переносное значение лексических обозначений НВК берет на себя семантику НВК, расширяя или сужая ее. В дериватах лексических номинаций НВК конкретные семы уходят на задний план, "картинка" движения остается во внутренней форме слова, а на первый план выступают абстрактные семы. Глагол рус. *завзваться* ('засмотреться, заглядеться' // 'проявить невнимательность, рассеянность' (МАС II, 714)) использует переносное значение от *зевать*. А *зевака* – 'тот, кто из праздного любопытства засматривается на что-либо' (МАС I, 714).

3.2. Фразеологическое представление кинесических компонентов коммуникации. В естественных языках преобладают неоднословные фразеологизированные обозначения кинесических единиц. Как правило, это глагольно-субстантивные образования, в которых глагол называет действие, а существительное – часть или орган тела, участвующий в движении. "В словесном описании жест должен опознаваться однозначно в связи с тем условным значением, которое он имеет, поэтому такое описание всегда стремится быть устойчивым" (Красильникова 1978, 58). Фразеологизация словосочетания, обозначающего НВК, привела к его переосмыслению. Во фразеологических оборотах (далее – ФО) "телесность как природная суть жеста отходит на второй план, во внутреннюю форму, в то время как на первый план выступают смысловые компоненты, определяющие психолого-культурную специфику жест" (Козаренко 1999, 271). В процессе семантического развития значения номинации НВК происходит перемещение акцентов от конкретного значения к абстрактному. Значение ФО принимает на себя семантику НВК. Так, польск. ФО *opuszcіć głowę* досл. 'опустить голову' обозначает 'znak smutku, bezradności, zawstydzenia' 'знак печали, грусти, стыда' (Skp. I, 244). Семантическое преобразование номинации НВК осуществляется двумя способами: при помощи метонимии и метафоры. Метонимический перенос основан на прямом значении всего словесного комплекса, которое полностью переходит в переносное значение. Так, внутреннее состояние человека получает выражение через обозначение внешне

наблюдаемого признака, сопровождающего такое состояние. При метонимизации компоненты значения, относящиеся к передаче конкретного физического действия, приглушаются, а на передний план выступают компоненты, передающие психологический или коммуникативный смысл НВК, но прямое значение словосочетания остается актуальным, так как оно допускает буквальное прочтение: бел. *бліскаць вачыма*, рус. *махнуть рукой*, польск. *brać się za głowę* досл. 'схватиться за голову', нем. *die Augen niederschlagen* досл. 'опустить глаза' (Ройзензон 1969, 64).

Более высокий семиотический статус имеют фразеологизмы, возникшие в результате метафоризации. К этому типу относятся анималистические ФО, внутренняя форма которых являет собой описательное название движений животных, а значение характеризует человека, т. е. используется аналогия между состоянием животного, выражающим его тем или иным телодвижением, и состоянием человека, т. е. характеристика животного переносится на человека: бел. *распусціць павіны хвост*, рус. *встать на задние лапки*, польск. *bronić się zębami i pazurami* (досл. 'защищаться зубами и когтями'), нем. *mit eingezogen Schwanz* (досл. 'поджав хвост'). Так, польск. *skrzydła opadają* (досл. 'крылья опадают') означает 'ktoś się zniechęca' ('кто-то упал духом') (Skrp. II, 134). Самую высокую степень идиоматичности имеют ФО с забытой сегодня мотивировкой, отражающие неактуальные сегодня НВК: рус. *очертя голову*, бел. *кідаць пальчатку*, нем. *der Schwur beim Bart* (досл. 'присяга на бороде'). Высокую степень семиотичности имеют фразеологические обозначения фантастических движений: бел. *узяць вочы у жменю*, рус. *кусать локти*, польск. *łamać ręce* (досл. 'ломать руки'), нем. *vor Lachen bersten* (досл. 'лопаться от смеха').

4. Лексика и фразеология, называющая супrasegmentные явления в фонации. Все звуковые особенности речи находятся в сфере симптоматики, т. е. несут в себе психологически значимые свойства. Тембр голоса, интонация, как никакое другое явление НВК, не подвластны контролю. На подсознательном уровне люди тонко ощущают настроение друг друга именно из-за смены интонации и тембра. Вероятно, по этой причине звуковые явления с большим трудом представляются лексическими средствами языка.

4.1. Лексические номинации фонационных средств общения. Чаще всего тембр голоса, интонация именуется при помощи звукоподражательных глаголов, употребляемых в функции глаголов речи в переносном значении: рус. *мямлить*, бел. *скрыпец*, польск. *cedzić* 'цедить', нем. *brummen* 'гудеть, ворчать'. Частично для этой цели используются глаголы-звукоподражания биосимптоматического характера: бел. *брахаць*, рус. *тявкать*, польск. *świergotać* 'щебетать', нем. *brüllen* 'рычать'. Лексические номинации немецкого языка ввиду словообразовательных возможностей отличаются заметным разнообразием и представляют собой метафорические характеристики голоса: *Bruststimme* 'грудной голос', *Donnerstimme* 'громовой голос', *Grabesstimme* 'загробный голос'. Для некоторых звукоподражательных глаголов характерно ослабление несيميотических сем и усиление психологически релевантных значений. Так, рус. *тявкать* значит 'отрывисто лаять' и 'ворчать-браниться' (МАС IV, 435), а в словаре В. Даля еще и 'чавкать, жевать' (Даль II, 425). При переосмыслении звукоподражательных глаголов наблюдается перенос с особенностей голоса на предмет разговора. Глагол бел. *шаптаць* значит: 1) 'гаварыць вельмі ціха'; 2) 'перадаваць чуткі па сакрэту'; 3) 'замаўляць, чараваць' (ТСБМ V, 350).

4.2. Фразеологические обозначения фонационных НВК. Особенности голоса, интонации представлены такими ФО, как бел. *званіць у разбиты лапаць*, рус. *луженая глотка*, польск. *krzyzczeć na całe gardło* 'кричать во всю глотку', нем. *die Stimme senken* 'понизить голос'. Как правило, значение ФО

совмещает в себе информацию о манере речи, характеристике голоса и указание на причину, их вызвавшую (гнев, печаль). Бел. ФО *даваць перуноў* значит 'гнеўна, з абурэннем гаварыць, пагражаць' (Лепеш. I, 306). Иногда ФО переосмысливается настолько, что конкретные семы, обозначающие характеристики голоса, в значении ФО не фигурируют вообще: рус. *поднимать голос* значит: 1) 'выступить, высказываться, выражать свое мнение'; 2) 'заявлять о себе, о своих правах' (Млтк., 330).

5. Лексико-фразеологическое представление явлений проксемики. Слова и ФО, обозначающие параметры проксемического поведения, фиксируют пространственное взаимоположение собеседников и значимые изменения в положении во время общения.

5.1. Лексическое обозначение пространственного коммуникативного поведения. В лексемах названной группы можно выделить два вида. Первую группу составляют слова, которые представляют собой отрицательную реакцию на вторжение в личное (интимное) пространство: бел. *адштурхнуць*, рус. *отпрянуть*, польск. *odwrócić się* 'отвернуться', нем. *abrücken* 'отодвинуться'. Вторую группу составляют лексемы, обозначающие близкое расстояние между коммуникантами либо склонность к сокращению этого расстояния, желание войти в интимную зону собеседника: бел. *прытуліцца*, рус. *присоседиться*, польск. *przybliżyć się* 'приблизиться', нем. *herankommen* 'подойти'. К этой группе относится часть кинесических НВК, имеющих тактильную природу, так как все они предполагают вторжение в интимную зону общения: бел. *дакранацца*, рус. *целовать*, польск. *łaskotać* 'щекотать', нем. *umarmen* 'обнимать'. Лексемы, указывающие на проксемическое поведение, в своих переносных значениях уходят от физической стороны движения и приобретают абстрактные семы: *коснуться вопроса, ласкать взглядом, отступить от своей цели*.

5.2. Фразеологические номинации НВК, указывающие на проксемическое поведение. Физическое расстояние коммуникантов в ФО, обозначающих пространственные ориентиры собеседников, переосмысливается в психологическое. Именно психологическое пространство определяет физическое пространство коммуникации и позволяет подпустить человека к себе или отдалить. Поэтому внутренняя форма ФО указывает на физическое обозначение пространства, а значение ФО – на психическое. Бел. ФО *нос у нос* значит 'вельмі блізка адзін да другога'; 'непасрэдна сутыкацца' (Лепеш. II, 442). Способом измерения личного пространства является рука, нос, т. е. части тела: бел. *лоб у лоб*, рус. *глаза в глаза*, польск. *przed nosem* 'под носом', нем. *bei der Hand* 'под рукой'. Человек познает мир посредством своего тела, постигает окружающую действительность, опираясь на ощущение телесности, поэтому предметы и люди, находящиеся вокруг, осознаются относительно их расположения к телу.

Выводы. Языковая семиотизация части НВК отображается в лексемах и фраземах. Предпочтение неоднословных или однословных номинаций зависит как от особенностей самого НВК, так и от словообразовательных возможностей языка. Проекция НВК в языке при помощи переносных значений лексем, не предназначенных специально для этой цели, позволяет предположить наличие определенных ономазиологических трудностей в обозначении НВК одним словом. Однословное обозначение НВК чаще всего происходит на основе развития переносных значений у соответствующих лексем. В процессе образования переносных значений у однословных обозначений НВК и фразеологизации словосочетаний, отразивших НВК во внутренней форме, акценты смещаются от конкретного значения к абстрактному. Телесность как природная суть НВК уходит на второй план, а на передний план выходят смысловые компоненты, определяющие психологическую культуру специфику НВК.

Сокращения

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка М., 1978. Т.1–4; Лепеш. – Лепешаў І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: У 2 т. Мн., 1993; МАС – Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984; Млтк. – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1967; ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 6 т. Мн., 1980; Skrp. – Skorpuka St. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1987. Т. 1–2.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 37–47.

Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных. СПб., 2001; Козаренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1999. С. 269–277.

Красильникова Е.В. Жесты и языковые фразеологизмы // Из опыта создания лингвострановедческих пособий. М., 1977. С. 58–66.

Мечковская Н.Б. На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке // Логический анализ языка: языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 376–393.

Ройзензон Л.И., Абрамец И.В. Совмещенная омонимия в сфере фразеологии // Вопросы языкознания. 1969. № 2. С. 54–63.

Поступила в редакцию 23.09.2003.

Алла Владимировна Рачковская – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н.Б. Мечковская.

Е.В. ЛУКИЧЁВА-НАВРОСЬ

ПОЛИМОТИВИРОВАННОСТЬ И НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ В ТРАНСПОЗИЦИОННОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Рассматриваются явления полимотивированности и нейтрализации в транспозиционном словообразовании. Выделяются и анализируются наиболее характерные виды нейтрализации (семантическая, формально-семантическая).

This article deals with the concepts of polymotivation and neutralization in transposition. The author tries to define and analyse the most characteristic kinds of neutralization (semantic, formal-semantic).

Множественная мотивация, или полимотивированность, обычно трактуется как возможность выводимости одного мотивированного из двух или более мотивирующих. Впервые данное явление было отмечено В.В. Виноградовым. Позже эта проблема нашла отражение в работах В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, И.А. Ширшова и других лингвистов, которые дали теоретическое обоснование множественной мотивации.

Причиной развития в языке полимотивированности считается нейтрализация основ, которая может происходить в следующих случаях: 1) две основы мотивирующих слов, находящиеся в отношениях значимой оппозиции, утрачивают дифференциальные признаки и совпадают в одной архиснове (*решить-решать* → *решение*); 2) два слова, не находящиеся в оппозитивных отношениях, дают мотивированное с одним лексическим значением, причем в каждом из мотивирующих нейтрализуются разные семантические компоненты (*недружелюбие* от *дружелюбие* и *недружелюбный*). Таким образом, под понятие “полимотивированность” можно подвести достаточно широкий круг явлений: когда при нескольких мотивациях словообразовательная структура мотивированного остается тождественной и когда многомотивированное слово способно иметь разную словообразовательную структуру. Нейтрализация основ широко распространена в языке, особенно в отсубстантивных прилагательных, глаголах, образованных от глаголов, а также в отглагольных существительных.

В данной статье уделяется внимание анализу многомотивированных слов в транспозиционном, а также транспозиционно-мутационном словооб-